ПРЕДАТЕЛЬ
ПРАВО НА ЖИЗНЬ

НИКА ФОКС

Ника Фокс

Предатель. Право на жизнь

«Автор»
2026

Фокс Н.

Предатель. Право на жизнь / Н. Фокс — «Автор», 2026

Муж предал меня, продал нашего ещё не родившегося ребёнка и заказал мою смерть. Я чудом выжила, но сына у меня отняли. Теперь я готова на всё, чтобы вернуть его. Только смогу ли я снова поверить в любовь, если однажды доверие едва не стоило мне жизни?

© Фокс Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. СДЕЛКА 5
ГЛАВА 2. ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА 8
ГЛАВА 3. ГОЛОСА ЗА ДВЕРЬЮ 12
ГЛАВА 4. ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ 16
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Ника Фокс
Предатель. Право на жизнь

ГЛАВА 1. СДЕЛКА

Анна плотнее задёрнула штору ванной, хотя в квартире, кроме неё, никого не было. Сергей должен был вернуться только к девяти. Стояло начало июля, и даже вечером в московской квартире было душно. Она включила воду и опустилась на край белоснежной акриловой ванны. Пластиковый колпачок дрогнул в пальцах. Две полоски.

В первые секунды она просто смотрела на них, не в силах вдохнуть. Анна мысленно отсчитала дни: задержка была небольшой, но на этот раз ошибиться было трудно. Затем воздух прорвался в лёгкие коротким, судорожным всхлипом. Анна прижала ладонь ко рту и зажмурилась. Беременна.

Перед глазами пронеслось всё разом: кабинет врача, где год назад ей осторожно говорили о «сниженной фертильности»; молчаливые завтраки с Сергеем за длинным обеденным столом; тишина, поселившаяся между ними в последние месяцы. Мать всё спрашивала, как они живут, и Анна отвечала привычное «хорошо», не желая тревожить её подробностями семейных ссор. Она почти смирилась, что ничего не выйдет. И вот случилось.

«Сергей обрадуется», — сказала она себе. Ей вдруг показалось, что именно этого им и не хватало. Не денег и не бизнеса — смысла, общей цели. Ребёнок всё изменит. Вернёт им ту лёгкость, какая была в первые годы после свадьбы, когда они ещё могли болтать до рассвета и смеяться над глупостями.

Анна осторожно положила тест в коробочку из-под духов. Она хотела показать его Сергею после ужина, когда он оттает после рабочего дня, и, сама удивляясь собственному волнению, отправилась на кухню.

К восьми часам на плите томилось мясо по-французски, в салатнице блестели нарезанные помидоры с базиликом, в вазе у окна стояли свежие белые лилии. Анна накрыла стол, переоделась в платье, которое, как она знала, нравилось мужу, и зажгла свечи.

Она мысленно репетировала слова, представляя, как скажет: «Серёж, у нас будет малыш». И как он замрёт на мгновение, а потом его лицо осветится удивлённой радостью.

* * *

Сергей открыл входную дверь ровно в девять. Анна услышала щелчок замка и привычно выпрямилась, убирая за ухо прядь волос.

Он вошёл, неся с собой запах дорогого одеколона и мокрого от летнего дождя асфальта. Высокий, широкоплечий, в безупречно скроенном костюме. Лицо породистое, с резкими чертами, которые когда-то казались Анне признаком силы. Сейчас она отметила, что под глазами у него залегли тени.

— Привет. — Она шагнула навстречу. — Устал?

— Есть немного. — Он коротко коснулся губами её щеки и сразу прошёл в гостиную. Увидел накрытый стол, свечи, цветы и приподнял бровь: — У нас какой-то праздник?

— Почти. — Анна улыбнулась. — Давай сначала поужинаем.

Они ели в тишине. Анна почти не притронулась к еде, собираясь с духом. Наконец, когда Сергей отодвинул тарелку и потянулся за бокалом вина, она накрыла его руку ладонью.

— Серёж… Мне нужно тебе кое-что сказать.

Он замер с бокалом на полпути ко рту. Анна почувствовала, как под столом непроизвольно сжала пальцы: она ждала его улыбки, вопроса, хоть какой-нибудь реакции.

— Я беременна.

Сергей несколько мгновений молчал, словно услышанное требовало от него не радости, а расчёта.

Он аккуратно поставил бокал, положил салфетку на стол. Затем его губы растянулись в улыбке, вежливой и выверенной, какой улыбаются партнёрам на переговорах.

— Это прекрасная новость. Я рад.

Но глаза остались холодными. В них не было ни удивления, ни восторга, только деловитая сосредоточенность. Так, он смотрел на квартальные отчёты.

— Правда, рад? — спросила Анна тише, чем собиралась.

— Конечно. — Он накрыл её ладонь своей. — Просто теперь нужно всё сделать правильно. Я слышал об отличной клинике. «Гармония», за городом. Полный покой, наблюдение лучших специалистов. Я договорюсь.

— Но я прекрасно себя чувствую, зачем сразу клиника?

— Анна, — жёстко произнёс Сергей, — ты думаешь только о себе? Речь идёт о нашем ребёнке. О наследнике. Я не собираюсь рисковать.

Анна невольно вздрогнула от слова «наследник»: ей хотелось услышать от Сергея «наш малыш», а не деловое определение будущего владельца акций. Однако спорить в этот вечер она не стала.

Позже, убирая посуду, Анна бросила взгляд на Сергея. Он стоял у окна и смотрел в темноту, в тёплый июльский дождь за стеклом. Телефон лежал в руке экраном вниз. Она почувствовала лёгкий укол тревоги и тут же задвинула его поглубже. «Он просто устал. Это его способ заботиться».

* * *

Когда Анна ушла в спальню и затихла, Сергей вышел на балкон. Ночной воздух был сырым и холодным. Огни Москвы дрожали внизу жёлтой россыпью. Он прислонился к перилам и, наконец, позволил себе сбросить маску. Беременна. Судьба умеет подавать сюрпризы на блюдечке.

За последний год Анна стала ему помехой. С каждым месяцем она проявляла всё больше самостоятельности. Задавала вопросы. Интересовалась отчётами. Хотела участвовать в решениях. А три месяца назад мягко, но твёрдо отказалась подписать доверенность на полное управление её долей. «Я хочу понимать, что происходит в нашей компании», — сказала она.

«В нашей компании»! Сергей до сих пор мысленно передразнивал её голос. Он строил фирму с нуля, пока Анна училась в институте, и считал каждую удачную сделку собственной заслугой. Правда, без стартовых денег её отца компания могла бы так и остаться папкой с расчётами. Старик настоял, чтобы половину акций оформили на дочь ещё до свадьбы; остальные пятьдесят процентов принадлежали Сергею. Пока тесть был жив, Сергей мирился с таким порядком. Но год назад того не стало, а Анна всё чаще требовала показать отчёты и отказывалась голосовать вслепую. Ему казалось, что она отнимает то, что по праву должно принадлежать только ему.

Беременность поначалу спутала расчёты: живой ребёнок Анны имел бы право на её наследство наравне с мужем и матерью. Но Сергей уже видел, как обойти эту помеху. Если младенца тайно передадут другим людям и запишут в документах их сыном, после смерти Анны в наследственном деле останутся лишь он и её мать. Половина принадлежащих жене пятидесяти процентов акций достанется ему; вместе с собственным пакетом это даст семьдесят пять процентов голосов и полный контроль над компанией. Юрист, посвящённый лишь в часть замысла, уже готовил документы, которые позволили бы быстро закрепить новую расстановку сил. Сергей понимал, что поддельная запись о рождении не лишит ребёнка настоящих прав: стоит раскрыть обман, и весь расчёт рухнет. Поэтому ему требовалось не просто получить свидетельство о смерти жены, но и навсегда скрыть, кем был на самом деле сын Анны.

Он пролистал контакты до нужного номера. Его передали полгода назад через одного юриста довольно скользкого типа, который за скромное вознаграждение решал «деликатные вопросы». Тогда Сергей просто сохранил номер. Интуиция подсказывала: пригодятся. Теперь он нажал кнопку вызова.

— Приёмная «Гармонии». Чем могу быть полезна?

— Добрый вечер. Это Сергей Борисов. Мне нужна консультация по поводу вашей специальной программы.

Собеседница замолчала, будто сверялась с невидимым списком. За эту короткую паузу Сергей успел подумать, что ослышался и ошибся номером, но в трубке снова зазвучал ровный голос.

— Одну минуту. Соединяю с главным врачом.

Низкий мужской голос с профессиональной вкрадчивостью:

— Слушаю вас.

— Мне вас рекомендовали, — без предисловий начал Сергей. — Моя жена на раннем сроке. Мне необходима ваша закрытая программа, та, о которой не пишут на сайте. С ребёнком поступайте, как считаете нужным. С женой должен быть решён вопрос окончательно. Я не желаю видеть её после родов.

Сергей замолчал, прислушиваясь к дыханию собеседника. Он ожидал хотя бы удивления, но на другом конце линии сохраняли пугающее деловое спокойствие.

— Вы должны понимать, — отозвался Гольцев после паузы, — такие вопросы не обсуждают по телефону. Сначала понадобится период наблюдения и изоляции. Детали — при личной встрече.

— Понимаю.

— У программы высокая стоимость. Оформление ребёнка и дальнейшие юридические действия мы возьмём на себя. От вас потребуется письменное согласие по утверждённой форме и отдельная конфиденциальная договорённость.

— Мне не нужен ребёнок, — отрезал Сергей. — Мне нужны бумаги о её смерти. С остальными документами мои юристы разберутся.

— Через неделю привозите жену. Наш специалист подготовит медицинское заключение и рекомендации по стационарному наблюдению. Остальное обсудим здесь.

Сергей убрал телефон в карман и ещё немного постоял на балконе, глядя на светящиеся окна соседних высоток. Он думал не об Анне и не о будущем ребёнке. Он думал о балансовом отчёте и о том, как красиво изменится структура собственности после её смерти.

Затем вернулся в дом. Анна уже спала, её дыхание было ровным и тихим. Сергей разделся в темноте, лёг рядом и закрыл глаза. Засыпая, он думал о том, что через неделю отвезёт жену в «Гармонию» и что, когда двери клиники за ней закроются, обратного пути для неё уже не будет.

ГЛАВА 2. ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА

Автомобиль мягко качнулся на повороте, и за окном потянулась длинная аллея, обсаженная липами. Анна прижалась лбом к холодному стеклу. Она ожидала увидеть что-то похожее на больницу с бетонными корпусами и суетливыми санитарками. Но за поворотом открылись кованые ворота с золочёной надписью: «Клиника „Гармония. Частная территория». Ворота бесшумно разъехались, и машина въехала в парк.

— Красиво, — пробормотала Анна.

Сергей, сидевший рядом, оторвался от телефона и мельком глянул в окно.

— Я же говорил. Лучшее место в области. Европейские протоколы. Тебе понравится.

Анне хотелось сказать: «Я не хотела сюда, я хотела остаться дома», но она промолчала. За последнюю неделю Сергей не оставил ей выбора. Сначала был приглашённый на дом врач, пожилой и усталый, который выслушал её, покивал и вынес вердикт: «Высокий риск. Лучше перестраховаться. «Гармония» — это золотой стандарт». Потом были уговоры, мягкие, но настойчивые: «Я всё оплатил. Ты же хочешь, чтобы наш ребёнок родился здоровым?»

И вот они здесь. Главный корпус напоминал загородный отель. Бежевый мрамор фасада, панорамные окна, ухоженные кустарники, подсвеченные мягкими прожекторами. У входа их встретили двое: женщина в строгом костюме и высокий мужчина в безупречном белом халате, с аккуратной бородой и дорогими очками в тонкой золотой оправе.

— Добро пожаловать в «Гармонию», — произнёс мужчина с улыбкой. — Я профессор Гольцев, главный врач. А вы, должно быть, Анна?

Анна пожала протянутую руку. Ладонь у Гольцева оказалась сухой и прохладной, а улыбка так и не коснулась глаз.

— Рад познакомиться. Сергей Борисович много о вас рассказывал.

Анна бросила взгляд на мужа. Тот кивнул, даже не посмотрев на неё.

— Как договаривались, — сказал он Гольцеву, — оставляю жену под ваше полное наблюдение. Мне нужны еженедельные отчёты.

— Разумеется. Прошу.

Холл поражал. Хрустальные люстры, пол из полированного камня, аромат лаванды. Тишина была необыкновенной: ни шагов, ни голосов не было слышно. Ковровые дорожки поглощали любой звук.

— Ваше отделение в восточном крыле, — объяснял Гольцев. — Одноместная палата повышенной комфортности. Вид на парк. Питание индивидуальное, ежедневный мониторинг, анализы. Всё по высшему разряду.

— Очень мило, — сказала Анна. — А когда меня выпишут?

Гольцев задержал шаг, потом улыбнулся:

— Всё зависит от течения беременности. Мы не станем задерживать вас дольше необходимого. Но пока риск сохраняется, лучше побыть здесь. Ради малыша.

При упоминании малыша Анна невольно смягчилась. Она ещё не умела отделять заботу о будущем ребёнке от чужого умения пользоваться её страхами и потому снова заставила себя не спорить.

Палата оказалась просторной: большое окно в парк, ортопедический матрас, кресло, письменный стол, телевизор на стене, отдельная ванная. Никаких больничных запахов, никаких голых стен. Всё было продумано так, чтобы пациентка забыла, где находится, и не задумывалась, почему ей запрещено самостоятельно распоряжаться собственной жизнью.

— Устраивайтесь, — сказал Гольцев. — Через час медсестра принесёт расписание процедур. Вечером проведём первый осмотр.

Когда главврач вышел, Сергей ещё немного постоял у двери, оглядывая палату так, словно проверял готовность помещения к давно запланированной сделке. Анна ждала, что он наконец останется с ней наедине и спросит, чего она сама хочет.

— Ну вот. Я же говорил, здесь неплохо. Отдыхай. Я позвоню.

— Когда приедешь?

— Как только смогу. Бизнес…

— Понимаю.

Сергей коротко поцеловал её в лоб и вышел. Дверь закрылась с мягким щелчком. Анна ещё некоторое время стояла посреди палаты, прислушиваясь к удаляющимся шагам, а потом подошла к окну. За густой зеленью деревьев угадывалась высокая каменная ограда. Где-то вдалеке, за ней, шоссе, город, жизнь. А здесь тишина, лаванда и ощущение, что дверь закрылась за ней навсегда.

* * *

Первые дни прошли на удивление спокойно, так что Анна почти убедила себя: возможно, Сергей и врачи действительно перестраховываются, а она зря ищет подвох в каждом их слове.

Медсестра, маленькая, худощавая женщина с птичьим лицом и бесцветными глазами, которую звали Раиса, появлялась трижды в день. Приносила поднос с едой: каши, протёртые супы, творожные запеканки, травяные чаи. Всё пресное, но красиво сервированное. Измеряла давление, температуру, слушала пульс. Задавала одни и те же вопросы: «Как самочувствие? Головокружений нет? Тошноты?»

Анна отвечала, что всё хорошо. И это было правдой. Она действительно чувствовала себя нормально, обычная беременность, никаких угроз, ничего такого, что требовало бы круглосуточного стационара.

На третий день она попросила телефон.

— Мне нужно позвонить мужу. И маме.

Раиса вежливо улыбнулась:

— Телефонные разговоры, к сожалению, запрещены. Электромагнитное излучение. Правила клиники.

— Но мне нужно связаться с родными!

— Сергей Борисович будет звонить вам по внутренней линии. Он в курсе правил.

В следующие недели разговор с матерью Анне всё-таки разрешали дважды, но только в присутствии Раисы. Всякий раз медсестра стояла у двери с таким видом, будто ненароком проверяет порядок, а Анна боялась сказать лишнее слово и навредить ребёнку. Сергей уверял её, что сам сообщит родным о лечении; позднее Анна узнает, что он отвечал на мамины звонки с её телефона и уверял, будто всё идёт хорошо. Вечером на столике у кровати зазвонил старомодный аппарат с кнопками, без дисплея. Анна схватила трубку.

— Серёж?

— Привет. Как ты?

— Нормально. Слушай, здесь телефон забрали. Я не могу позвонить даже маме. Это странно, Серёж. Я себя отлично чувствую. Может, мне уехать?

— Не выдумывай, — раздражённо ответил муж. — Ты в лучшей клинике. Врачам виднее. Отдыхай и не нервничай. Я занят, позвоню через пару дней.

И положил трубку первым. Анна смотрела на аппарат и чувствовала, как всё внутри медленно сворачивается в узел.

* * *

К концу первой недели она начала замечать странности.

Во-первых, двери действительно запирались снаружи. Она заметила это не сразу, это случилось, когда она однажды попыталась выйти в коридор ночью попросить воды, ручка не поддалась. Утром Раиса объяснила: «Ночью двери блокируются в целях безопасности. Идёт сани-

тарная обработка, посторонним в коридорах вредно». Это звучало почти разумно. Но сердце кольнуло.

Во-вторых, персонал избегал разговоров. На любой вопрос о состоянии, о сроках, о других пациентках, отвечали общими фразами. Анна попыталась заговорить с молоденькой санитаркой, но та испуганно покачала головой и быстро вышла.

В-третьих, её всё сильнее тревожила изоляция. Телевизор в палате показывал лишь несколько каналов. Книги, которые ей приносили, были подобраны заранее: романы о материнстве, глянцевые журналы, пособия по уходу за младенцами, ничего из того, что она просила. Анна попросила газету, хотя бы вчерашнюю. Раиса пообещала, но так и не принесла.

На пятый день Анна попробовала выйти в коридор днём, просто погулять. Дверь открылась, но в конце коридора стояла Раиса и, увидев пациентку, тут же направилась к ней.

— Анна, вам лучше отдыхать. Давайте я провожу вас обратно.

— Я просто хотела немного пройтись…

— Пока не рекомендовано. Вам прописан постельный режим.

— Но я прекрасно себя чувствую!

— Это для вашего же блага. И для блага малыша.

Опять это слово — «малыш». Раиса произносила его с такой привычной уверенностью, что Анна отступила, рассердившись одновременно и на медсестру, и на себя.

Но в тот же вечер она заметила кое-что ещё. Из окна было видно, как по дорожке парка шли две женщины в таких же, как у неё, халатах, в сопровождении медсестры. Они шли медленно, низко опустив головы. Анна попыталась помахать им, но они не подняли глаз. Через несколько минут обе скрылись в соседнем корпусе.

Ночью она лежала без сна и слушала тишину. Где-то далеко хлопнула дверь. Потом ещё одна. Потом еле слышный, приглушённый расстоянием и стенами женский крик. Анна села на кровати, сердце колотилось. Крик длился несколько секунд и оборвался. Она ждала ещё час, но ничего не услышала.

Наутро она спросила Раису:

— Я ночью слышала крик. Что случилось?

— Вам показалось, — ровно ответила медсестра. — Ночью было тихо.

* * *

На восьмой день произошло событие, изменившее всё.

Утром Анну повели на осмотр в другой корпус. Вели не тем коридором, которым привезли, а каким-то длинным, полупустым переходом. Анна старалась запоминать повороты. На одном из них краем глаза заметила дверь, возле которой стояла медсестра и мужчина в штатском. Они тихо переговаривались.

— …очередная сегодня ночью поступила, — донеслось до Анны. — Срок восемь месяцев. Заказчики уже ждут. Как родит, сразу готовить пакет.

Анна не успела дослушать, Раиса потянула её за локоть.

— Не отставайте.

Осмотр проводил сам Гольцев. Вежливый, предупредительный, он задавал те же вопросы, что и всегда, и улыбался той же выверенной улыбкой. Когда Анна спросила: «Что значит «пакет»?» — он на секунду замер.

— Простите?

— Я слышала в коридоре. Говорили про «пакет» для заказчиков.

— А-а, — протянул Гольцев и расслабился. — Вам, видимо, послышалось. У нас коммерческая клиника, здесь часто говорят о «пакетах услуг». Ничего интересного.

Но на мгновение взгляд врача стал тяжёлым и настороженным. Анна заметила эту перемену и окончательно перестала верить, что случайно услышала всего лишь разговор о стоимости медицинских услуг.

Вернувшись в палату, она долго сидела на кровати, пытаясь сложить разрозненные детали в картину. Запертые двери. Изоляция. Запрет на звонки. Крики по ночам. Разговор про «заказчиков» и «пакет». Она вспомнила, как Сергей говорил о «Гармонии». «Лучшая клиника». «Я договорюсь». «Ты будешь в полной безопасности».

О какой безопасности говорил Сергей, если она всё отчётливее чувствовала себя не пациенткой, а пленницей? Впервые Анна позволила себе задать этот вопрос без привычной попытки оправдать мужа.

Вечером, когда Раиса принесла ужин, Анна спросила прямо:

— Здесь есть другие беременные? Я хочу с ними познакомиться. Хотя бы поговорить.

— Это исключено, — отрезала Раиса. — У нас строгий санитарный режим. Контакты между пациентками запрещены.

— Но почему?

— Во избежание инфекций.

Анна смотрела на неё и не верила ни единому слову. Инфекции. Санитарный режим. Постельный режим. Всё это звучало как отговорки, как заранее заготовленные ответы на любые вопросы.

Когда Раиса ушла, Анна подошла к окну и долго смотрела в темноту. За парком горели огни далёкой трассы. Свобода — вот она, рукой подать. Всего лишь забор, всего лишь несколько дверей.

Она ещё не знала правды. Не знала о договоре, подписанном мужем; о том, что её ребёнок уже продан незнакомым людям; о том, что её собственная смерть лишь пункт в контракте.

Но интуиция уже била тревогу. И впервые за долгое время Анна не стала её заглушать. Она подошла к двери, проверила — заперто. Потом к окну — запечатано, открывается узкой щелью только на проветривание.

Если через дверь и окно уйти невозможно, придётся искать другой способ. Анна не знала, с чего начнёт, но впервые после приезда в клинику не собиралась уговаривать себя потерпеть ещё немного.

ГЛАВА 3. ГОЛОСА ЗА ДВЕРЬЮ

На десятый день Анна перестала задавать вопросы вслух. Она поняла, что каждое её возражение заставляет персонал внимательнее следить за ней, и теперь предпочитала наблюдать за окружающими молча.

Это было не смирение, это был расчёт. Она заметила: каждый раз, когда она проявляла настойчивость, на неё начинали смотреть внимательнее. Медсёстры переглядывались. Гольцев на очередном осмотре задержал на ней взгляд чуть дольше обычного и поинтересовался:

— Как настроение, Анна? Нет ли тревожных мыслей?

— Нет, — улыбнулась она ровно той улыбкой, какой от неё ждали. — Всё хорошо. Спасибо.

— Вот и славно. Отдыхайте побольше.

Она кивнула и больше не сказала ни слова.

К концу второй недели она уже знала распорядок дня до минуты. В семь побудка, Раиса приносит завтрак и измеряет давление, дверь открыта ровно пятнадцать минут. С девяти до одиннадцати «время покоя», персонал почти не заходит. В полдень обход Гольцева или дежурного врача. В час обед. После обеда снова покой. В шесть ужин. В десять отбой.

Окно в её палате выходило во внутренний парк с раскидистыми липами. На двадцатый день она увидела кое-что ещё, кроме пустых дорожек.

Поздно вечером, когда она стояла у окна, не в силах уснуть, к главному входу подъехал микроавтобус без опознавательных знаков. Из него вышли двое санитаров и женщина с детской переноской в руках.

Анна инстинктивно отпрянула от окна. Через минуту она снова выглянула. Микроавтобус стоял на месте, но женщины уже не было. Задние двери оставались открытыми. Анна отвлеклась на туалет и не заметила отъезда машины. На следующий день она попыталась выведать у Раисы, что это была за женщина.

— Я не знаю, о чём вы, — ответила Раиса, не поднимая глаз. — Ночью посетителей не бывает.

— Я видела машину.

— Вам приснилось. Беременным часто снятся странные сны.

Анна прикусила губу, чтобы не сказать ничего лишнего. Она уже поняла, что прямые вопросы здесь не помогают, но всё ещё не могла привыкнуть к тому, как легко чужие глаза отводили от очевидного правду.

* * *

Она начала вести дневник. Бумагу и ручку она выпросила у Гольцева на очередном осмотре — сказала, что хочет записывать свои ощущения для будущего ребёнка. Гольцев помедлил, но кивнул.

— Похвальное желание. Только не переутомляйтесь.

Теперь каждый вечер, перед отбоем, Анна садилась за письменный стол и записывала всё, что заметила за день. Она использовала сокращения, понятные только ей: «Р.» — Раиса. «Г.» — Гольцев. «М.» — микроавтобус. «Ж.» — женщина. «ДП» — детская переноска. В следующие недели страницы одна за другой покрывались заметками. Среди них несколько особенно тревожных.

«31 июля. 23:10. Крик. Короткий. Женский. Источник восточное крыло».

«1 августа. Видела пациентку. Имя неизвестно. Срок около восьми месяцев. Шла с трудом».

«3 августа. Разговор в коридоре. Р. кому-то: «Её под списание после тридцать пятой». Ответ: «Заказчики ждать не будут».

Последняя запись была сделана дрожащей рукой. Анна долго сидела над ней, перечитывая слова. «Под списание». Что это значит? Что значит «тридцать пятая»? Неделя беременности? И кто такие «заказчики»? Она не знала ответов, но чувствовала: они где-то рядом. И они страшные.

* * *

На тридцатый день её без предупреждения перевели в другую палату. Анна сразу насторожилась: она слишком долго училась ориентироваться в первом крыле, чтобы счесть внезапный переезд обычной заботой о комфорте.

Причину не объяснили. Утром пришла Раиса и просто сказала:

— Собирайтесь. Вас переводят.

— Куда? Почему?

— В связи с изменением графика наблюдения. Это временно.

Анна собрала свои немногочисленные вещи: халат, ночную рубашку, тапочки, дневник. Дневник она спрятала в складках одежды.

Её провели длинным коридором, которого она раньше не видела. Здесь было тише, и воздух казался холоднее. На стенах никаких картин, только бледно-зелёная краска и редкие указатели без надписей. Палата, в которую её привели, оказалась почти такой же, как прежняя, но окно выходило не в парк, а на внутреннюю стену — глухую каменную кладку без единого проёма.

— Почему сюда? — спросила Анна. — Здесь даже из окна ничего не видно.

— Зато тихо, — ответила Раиса. — Располагайтесь.

И вышла, заперев дверь.

Анна осталась одна. Она осмотрелась. Палата была чуть меньше предыдущей, но также хорошо обставлена. Две кровати, кресло, стол, телевизор, отдельная ванная. Всё то же самое и всё-таки что-то было не так. Она не сразу поняла, что именно. А потом заметила: на окне, под верхней рамой, были установлены дополнительные крепления. Как будто кто-то пытался открыть его раньше, и теперь приняли меры. Здесь не было даже привычного обзора парка: изоляцию усиливали постепенно, рассчитывая, что она привыкнет.

Анна подошла к двери и долго прислушивалась. За ней стояла такая плотная тишина, что даже собственное дыхание казалось слишком громким.

Вечером, когда Раиса принесла ужин, Анна спросила:

— В этом прежнем крыле кто-нибудь ещё есть? Пациентки?

— Конечно, — невозмутимо ответила Раиса. — Клиника большая.

— Я хочу с ними познакомиться.

— Это исключено. У нас карантинный режим.

— Какой ещё карантин? — Анна повысила голос. — Вы мне об этом не говорили!

— Спокойнее, Анна. Вам вредно нервничать.

Раиса вышла и заперла за собой дверь.

Той ночью Анна не спала. Она сидела в темноте и прислушивалась к звукам клиники. Где-то далеко хлопали двери. Работал лифт. Раздавались шаги. Потом всё стихло.

И вдруг послышался женский голос. Негромкий, но отчётливый. Где-то совсем рядом, может быть, в соседней палате. Женский голос. Анна не могла разобрать слов, но тон звучал отчаянно, торопливо, срывался на плач. Потом раздался спокойный и увещевающий мужской голос. Женщина вскрикнула и резко замолчала. Анна замерла, боясь дышать. Сердце бешено колотилось. Она ждала продолжения. Но больше ничего не было слышно.

Утром она спросила у Раисы:

— В соседней палате кто-то есть?

— Нет, палата пустует.

— Я слышала голоса ночью.

Раиса посмотрела на неё долгим взглядом.

— Вам следует больше отдыхать, Анна. Беременность может вызывать слуховые иллюзии.

— Я не сумасшедшая.

— Я и не говорю, что вы сумасшедшая. Я говорю: отдыхайте.

Она ушла. Анна осталась стоять посреди палаты, сжимая кулаки. Она знала, что ей не показалось. Женщина в соседней палате действительно была. И она кричала. А теперь её нет. Что с ней сделали?

* * *

На тридцать пятый день Анна впервые нарушила правила.

Она знала, что после десяти вечера двери блокируются. Но она также знала, что в девять сорок пять Раиса обходит палаты и проверяет, всё ли в порядке. Иногда она задерживалась у кого-то из пациенток на минуту-другую. Анна рассчитала: если она выскользнет в коридор ровно в тот момент, когда Раиса будет в дальнем конце, у неё будет несколько минут.

План был прост. Дверь отпиралась изнутри с помощью электронного замка. Код она не знала. Однако за три дня наблюдений она увидела, как Раиса пользуется сервисной клавиатурой с одной и той же комбинацией, и запомнила последовательность: 3-7-1-4-0. Анна понимала: стоит начальству обнаружить попытку выхода, код немедленно изменят.

В ту ночь, когда в коридоре стихли шаги Раисы, Анна подошла к двери, приложила ухо к щели. Тишина. Она набрала на панели: 3, 7, 1, 4, 0. Замок щёлкнул. Дверь открылась.

Анна замерла, не веря себе. Потом осторожно выглянула. Коридор был пуст. Мягкий свет лился из потолочных плафонов. Она сделала шаг, другой. Она не знала, куда идти. Важно было найти лестницу, запомнить планировку и проверить путь к выходу; расспрашивать персонал после всего услышанного было бессмысленно. Она двинулась влево, туда, откуда ночью слышала голоса. Дверь соседней палаты была приоткрыта. Анна заглянула внутрь.

Палата была пуста. Кровать застелена. На столике стакан с водой. В ванной свет. Анна прислушалась, ни звука. Она хотела уже идти дальше, когда заметила на полу возле кровати что-то маленькое. Наклонилась. Это была простая пластмассовая заколка, с обломанным зубчиком.

В конце коридора послышались шаги. Анна вздрогнула, сунула заколку в карман халата и быстро, стараясь не шуметь, вернулась к своей двери. Закрыла её. Замок щёлкнул снова. Она стояла в темноте палаты, тяжело дыша. Через минуту шаги стихли. Раиса прошла мимо и не заметила ничего.

Анна села на кровать и разжала ладонь. На коже лежала простая пластмассовая заколка с обломанным зубчиком — маленький след чужой жизни, которой в этой палате будто никогда и не было. Анна не знала, что произошло с соседкой, но теперь уже не могла убедить себя, что женщины исчезают случайно, а слова «под списание» — всего лишь грубый профессиональный жаргон.

Той ночью Анна сделала в дневнике одну запись: «Я не сумасшедшая. Я уйду отсюда раньше, чем они успеют со мной что-нибудь сделать». Заколку она спрятала под подкладку халата. Маленькая сломанная вещица ничего не доказывала, но после чужого крика ей необходимо было сохранить хоть что-то настоящее.

* * *

На сорок пятый день она услышала разговор, который всё расставил по местам.

Ночь была душной, несмотря на конец августа за окном. Анна проснулась от собственного сердцебиения и долго лежала, глядя в потолок. Потом встала, подошла к двери и замерла.

За дверью тихо разговаривали двое. Голоса были женские. Один она узнала сразу, это была Раиса. Второй принадлежал кому-то помоложе, возможно, другой медсестре.

— …объект триста четырнадцать, — говорила Раиса. — Муж привёз полтора месяца назад. Беременность ещё только в первом триместре.

— А что с ней?

— Оформлена по стандартному протоколу. Отец не заинтересован в сохранении матери. Заказ на ребёнка уже оплачен. Семья Васильевых. Они ждут.

— Мать?

— Под списание после родоразрешения. Оформят «осложнения», свидетельство о смерти. Муж получит бумаги и долю в бизнесе.

Анна затаила дыхание и прижалась плечом к холодной двери. Любой случайный звук мог выдать её, но она уже не смогла бы отойти, даже если бы захотела.

— Ребёнка сразу передадут? — спросила вторая.

— Да. Как только родится, оформят как рождённого другой матерью. Суррогатная программа, документы готовы. Биологическая мать в это время будет уже «покойницей».

— Понятно. А она сама знает?

— Что ты, — усмехнулась Раиса. — Конечно, нет. Она думает, что лежит на сохранении. Все они так думают. До последнего.

Голоса начали удаляться. Анна стояла, вцепившись в ручку двери. Перед глазами всё плыло. Это она триста четырнадцатый объект. Её муж привёз. Он не заинтересован в сохранении. Не просто отдал в клинику, не просто перестраховался. Он заказал её смерть и продал их ребёнка.

Колени её ослабли. Анна опустилась на пол, прижимаясь спиной к холодной двери. Её ребёнок не продолжатель рода, а просто товар. А она сама помеха. Пятьдесят процентов акций. Право вето. Вопросы, которые она начала задавать. Всё сходится.

Анна зажала рот ладонью. Крик рвался наружу, но она не могла издать ни звука. Если она закричит, они поймут, что она знает. И тогда её запрут навсегда. Или хуже: ускорят процесс.

Она просидела на полу до рассвета. Когда за окном начало сереть, она поднялась. Глаза у неё были сухими. Внутри что-то перегорело. Страх, который мучил её последние недели, исчез. Его место заняло другое чувство.

Она не будет ждать родов. Она не отдаст ребёнка чужим людям. Она не умрёт, чтобы Сергей получил свои акции.

ГЛАВА 4. ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ

На следующее утро Анна проснулась с ощущением, что прежней жизни больше нет. Она лежала, глядя в потолок, и снова и снова перебирала в уме услышанное ночью. «Объект триста четырнадцать». «Муж не заинтересован в сохранении матери». «Оформят осложнения». «Заказчики ждут».

Ещё вчера она не могла представить, что её муж, человек, с которым она прожила три года, с которым вместе вела дело отца, способен на такое. Сегодня это знание лежало в груди камнем, и она уже не пыталась его вытолкнуть. Она приняла его. И приняла решение. Когда Раиса принесла завтрак, Анна встретила её лёгкой улыбкой.

— Доброе утро, — сказала она мягко. — Что у нас сегодня?

Раиса чуть замешкалась, привыкшая к настороженным взглядам и коротким вопросам. Анна видела, как медсестра украдкой изучает её лицо, словно пытается решить, не скрывается ли за приветливостью очередная просьба выпустить её из палаты.

— Каша овсяная, чай травяной, творог. И витамины.

— Спасибо. — Анна взяла поднос. — Вы знаете, я, кажется, действительно устала нервничать. В последние дни была сама не своя. Гормоны, наверное.

— Вполне возможно, — осторожно согласилась Раиса. — Беременность часто даёт эмоциональную нестабильность.

— Я больше не буду задавать глупых вопросов. Просто хочу, чтобы всё прошло хорошо.

Раиса посмотрела на неё внимательнее, и в её бесцветных глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Анна спокойно выдержала этот взгляд, хотя под столом всё ещё сжимала ладонь в кулак. Пусть думают, что она наконец усвоила правила.

— Это правильный подход. Чем спокойнее мать, тем здоровее ребёнок, — сказала медсестра и вышла.

Анна дождалась, пока дверь закроется, и отодвинула тарелку. Есть она не могла. Но роль была сыграна верно. Теперь нужно, чтобы расслабились все остальные. Она подошла к зеркалу. Из него глядела молодая женщина с серыми тенями под глазами и слишком острыми скулами. Но взгляд её изменился. Раньше в нём плескались страх и растерянность. Теперь же сквозила сосредоточенность.

«Для них ты не Анна. Ты объект триста четырнадцать, пустое место, которым можно распоряжаться», — напомнила она себе, глядя в зеркало. От этой мысли захотелось отвернуться, но Анна заставила себя ещё раз внимательно рассмотреть собственное лицо. Пусть Раиса и Гольцев видят испуганную, покорную женщину, которой можно диктовать любые правила. Она же будет наблюдать, запоминать и искать выход, даже если ради этого придётся день за днём разыгрывать одно и то же унизительное представление.

* * *

В один из дней она впервые вышла в коридор после обеда, просто гулять. Дверь открылась, днём её не запирали, если пациентка не проявляла «беспокойства». Коридор был пуст. Она не спеша пошла по нему, стараясь не красться, а идти уверенным шагом, как человек, имеющий право здесь находиться. Навстречу попалась молоденькая санитарка с испуганными глазами.

— Добрый день. Не подскажете, где здесь можно взять журналы? Мне обещали.

Анна задала вопрос так буднично, будто ей действительно не хватало только чтения для приятного отдыха. Санитарка моргнула и оглянулась в сторону коридора, прежде чем решиться на ответ. Пока девушка собиралась с мыслями, Анна успела заметить дверь без таблички за её спиной.

— Журналы… Я уточню у старшей медсестры.

— Спасибо. — Анна улыбнулась и пошла дальше.

Она дошла до конца коридора и обнаружила нишу с лифтом и двумя дверями: одна вела на лестницу, другая была без опознавательных знаков. На стене висел план эвакуации. Анна задержалась возле него, стараясь запомнить расположение служебной лестницы и выход во внутренний двор. В тот же день она попробовала пройти дальше, будто просто перепутала дорогу к кабинету врача. За второй дверью оказался пост охраны, и мужчина в серой форме сразу поднялся ей навстречу. «Пациенткам сюда нельзя», — сказал он без грубости, но так, что спорить не имело смысла. Анна извинилась и медленно вернулась в палату. Теперь она знала: код открывал дверь её комнаты, но не путь за пределы клиники. Даже если удастся пробраться до лестницы, во дворе останутся камеры, постовые и запертые ворота.

Проверять ограждение ночью она не рискнула: достаточно было одного замечания охранника, чтобы стало ясно, как быстро её могут перевести в полностью закрытое отделение. После этого Анна начала присматриваться к работе технической службы. В дни, когда в клинику привозили бельё и вывозили отходы, служебная калитка у хозяйственного двора ненадолго открывалась; кроме того, на плане эвакуации она заметила, что при пожарной тревоге часть электронных замков переходила в аварийный режим. Эти знания пока не давали свободы, но превращали бесплодное желание бежать в пусть смутный, всё же настоящий план. В палату она вернулась со спокойным лицом. Дверь за ней не заперли, значит, персонал пока поверил, что она смирилась.

* * *

Через два месяца к Анне подселили соседку. Она уже настолько привыкла к одиночеству, что, услышав в коридоре вторые шаги и шорох чужих вещей, сначала даже испугалась: перемены в «Гармонии» редко сулили что-нибудь хорошее. После обеда Раиса ввела в палату совсем молодую девушку, лет девятнадцати, с простым круглым лицом и большими голубыми глазами, в которых светился плохо скрытый страх. У неё был заметный живот, на вид месяц шестой или седьмой.

— Это Вера. Побудет здесь несколько дней. Анна, вы не против?

— Конечно, нет. Вдвоём веселее.

Раиса вышла, и Вера осталась стоять посреди палаты, прижимая к груди тощий пакет с вещами. Она несколько раз оглядела закрытую дверь, словно всё ещё надеялась, что её сейчас позовут обратно, а потом вдруг заплакала — без громких всхлипов, по-детски беспомощно, не пытаясь скрыть слёзы.

Анна помогла ей сесть, налила воды. Расспрашивать же, однако, не спешила, слишком хорошо понимала, что чувствует человек, только что попавший в эту золотую клетку.

— Я не хотела сюда, — выдавила Вера, вытирая щёки. — Меня парень уговорил. Сказал, здесь бесплатно, по какой-то программе. Элитное ведение беременности, лучшие врачи… А теперь я не понимаю, что происходит. Телефон отняли, гулять не пускают. Медсёстры странные.

Анна выслушала её, не перебивая. Ей самой когда-то казалось, что достаточно задать правильный вопрос, и кто-нибудь из взрослых, уверенных в себе людей обязательно всё объяснит. Теперь она знала, чего стоит здесь доверчивость, и потому заговорила как можно осторожнее:

— Ты кому-нибудь об этом говорила? Врачам?

— Да. Они говорят: постельный режим, карантин. Что риск высокий. А я себя нормально чувствую!

— Я тоже нормально. — Анна помолчала. — Но я здесь уже больше трёх месяцев. И кое-что заметила.

Вера подняла на неё покрасневшие глаза. В них мелькнула такая отчаянная надежда, что Анне на мгновение захотелось замолчать: сказанное нельзя будет взять обратно, а доказать пока почти ничего невозможно.

— Что?

Анна подошла ближе и заговорила тихо, почти шёпотом, стараясь не смотреть на дверь. Она уже видела, как легко здесь объясняют страх пациентки «нервами» и как быстро после лишнего вопроса появляются дополнительные замки.

— То, что я скажу, прозвучит безумно. Но ты должна хотя бы выслушать.

И она рассказала. Про запертые двери. Про микроавтобус, приезжающий по ночам. Про разговор медсестёр, услышанный через дверь. Про «объект триста четырнадцать», про мужа, который «не заинтересован в сохранении», про «заказчиков». Вера слушала, и лицо её менялось. От недоверия к ужасу, от ужаса к решимости.

— Я тебе верю, — сказала она вдруг. — Меня вчера на осмотре держали за руки. Я просто спросила, можно ли позвонить маме, а врач сказал, что я «слишком возбуждена». И велел медсёстрам смотреть за мной внимательнее. Как будто я преступница какая-то!

— Вот именно. — Анна кивнула. — Поэтому слушай меня внимательно. Не спорь с ними. Не задавай вопросов. Не показывай, что тебе страшно. Притворись, что смирилась. Это самое важное.

— Но нужно бежать, звонить в полицию…

— Не получится. У них всё схвачено. Если ты начнёшь бунтовать, тебя запрут и усилят охрану.

Вера прижала ладони к животу, словно могла спрятать ребёнка от всего, о чём только что узнала. Анна увидела, что девушка едва удерживается от паники, и попыталась говорить ровнее.

— Что же делать?

— Ждать. Наблюдать. Запоминать. Искать возможность. — Анна взяла её за руку. — И ни в коем случае не показывать, что ты знаешь. Если они поймут, что мы в курсе происходящего, то мы пропали.

* * *

Следующие несколько дней Вера держалась из последних сил. Анна видела, как тяжело ей даётся эта игра. Девушка была слишком юной, слишком открытой, слишком привыкшей доверять людям. Но она старалась. Анна отвлекала её разговорами, учила запоминать детали, вместе с ней сверяла обрывки услышанного и увиденного.

На третий день Вера вернулась с обследования гораздо бледнее обычного. До обеда она молчала, теребила край рукава, а когда за Раисой наконец закрылась дверь, не выдержала и рассказала Анне:

— Мне сегодня делали УЗИ.

— И что сказали?

— Что у меня шесть месяцев. Шесть! — Вера нервно хохотнула. — А у меня уже пошёл восьмой. Последние месячные были в конце марта, я эту дату хорошо помню.

Анна мысленно сопоставила срок, о котором говорила Вера, с собственными записями и ощутила неприятный холодок: слишком уж удобным для клиники получалось такое расхождение.

— Врач назвал шесть?

— Да. Сказал, что по их измерениям плод на двадцать пятой неделе. Я попробовала возразить, а он говорит: «Вы ошиблись в подсчётах, так бывает». Но я не ошибалась!

— Тихо. — Анна подошла ближе. — Это неслучайность. Они намеренно сдвигают тебе срок.

— Зачем?

— Я не знаю, почему они так говорят, — призналась Анна. — Но слышала разговоры про заказчиков и документы на детей. Если они собираются что-то сделать с твоим ребёнком, подмена срока могла бы им помочь. Это пока только подозрение, Вера. Нам нужно быть очень осторожными.

— Что?

— Боюсь, они могут сказать, что ребёнок не выжил, — прошептала Анна. — И выписать тебя без малыша. Не позволяй им убеждать тебя на словах. Проси медицинские документы и сохраняй всё, что дадут.

Вера долго смотрела на Анну, словно ждала, что та сейчас улыбнётся и признается в жестокой ошибке. Потом медленно закрыла лицо руками. По тому, как задрожали её плечи, Анна поняла: девушка впервые по-настоящему поверила, что отнять у неё могут не только телефон и свободу.

— Господи… Что же делать?

На следующее утро, едва они закончили завтрак, в палату вошла Раиса с капельницей. Медсестра действовала привычно и деловито: пододвинула стойку к кровати, проверила этикетку на флаконе и лишь потом посмотрела на Веру, как будто та уже согласилась на любую назначенную процедуру.

— Вера, вам назначен витаминный курс. Поддержка плаценты.

— Мне не нужна капельница, — тихо сказала Вера, глядя на Анну. — Я себя хорошо чувствую.

— Это предписание врача, — настойчиво произнесла Раиса. — Это для вашего же блага. Ложитесь.

Вера снова взглянула на Анну. Та едва заметно кивнула: не сопротивляйся. Вера легла и позволила ввести иглу в вену. Прозрачная жидкость медленно закапала из флакона. Всё прошло быстро. Раиса зафиксировала пластырь на сгибе локтя и вышла, пообещав вернуться через час. Когда дверь закрылась, Вера схватила Анну за руку.

— Мне страшно. Что они влили?

— Не знаю, — честно ответила Анна. — Но, думаю, это не витамины. Возможно, что-то, что вызовет роды.

— Что же мне делать?

— Следи за ощущениями. Если что-то начнётся, зови персонал. Не геройствуй. Но запомни: когда ребёнок родится, тебе скажут, что он не выжил. Не верь. Потом, когда выпишут, иди в полицию. Но не сразу, не подавай вида. И собери всё, что сможешь документы, выписки, всё, что дадут на руки.

Днём у Веры начались боли внизу живота, сначала тянущие, потом резкие. Она побледнела, закусила губу. Раиса появилась почти мгновенно, словно ждала за дверью.

— Кажется, у вас начались схватки. Пойдёмте.

— Но рано же… — прошептала Вера. — Ещё только шесть месяцев…

— Значит, преждевременные роды. Не волнуйтесь, врачи сделают всё возможное.

Санитары уже ждали в коридоре с каталкой. Веру осторожно переложили на неё и повезли к лифту; девушка всё ещё пыталась что-то сказать, но из-за новой схватки только крепче сжала край простыни. Анна стояла в дверях, пока каталка не скрылась за поворотом.

* * *

Через два дня Раиса принесла завтрак, поправила салфетку на подносе и только после этого будничным голосом сообщила, словно речь шла об изменении расписания процедур:

— К сожалению, у Веры случились преждевременные роды. Ребёнок, по нашим данным, не выжил из-за глубокой недоношенности. Веру перевели в другое учреждение; дальше её наблюдают там.

Голос Раисы оставался ровным и безучастным. Анна кивнула, стараясь не выдать себя ни взглядом, ни движением: она слишком хорошо понимала, что любой вопрос о судьбе Веры заставит медсестру насторожиться.

— Бедная девочка. Она так ждала этого ребёнка.

— Да, трагедия, — согласилась Раиса и вышла.

Когда дверь закрылась, Анна зажала рот ладонью. Внутри всё кипело. У Веры шёл уже восьмой месяц. Возможно, ей намеренно занизили срок и ввели препарат, который спровоцировал роды, а затем забрали младенца. Анна не знала, выжил ли ребёнок и где находится Вера; даже эта неизвестность была невыносима. Вдруг девушку заставили подписать бумаги, не объяснив их содержания, и отправили в родной город, опустошённую и ничего не понимающую? А вдруг она до сих пор в одном из закрытых корпусов? Чем дольше Анна об этом думала, тем отчётливее понимала: любая догадка сейчас может оказаться ошибочной.

* * *

В ту ночь Анна не спала. Она сидела у окна и смотрела на глухую каменную стену. Теперь она представляла схему, хотя многие подробности оставались догадками. Беременных держат в изоляции. Сдвигают им сроки на УЗИ. Под видом витаминов вводят препараты, провоцирующие роды. Ребёнка немедленно уносят и передают заказчикам. Матери говорят: «Преждевременные роды, ребёнок не выжил». И выписывают. Без возможности что-либо доказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.